

Рец. на: Георгиева Н. Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник для вузов. М.: Проспект, 2016. 248 с.

В 2016 г. издательство «Проспект» (Москва) выпустило книгу доктора исторических наук, профессора Российского университета дружбы народов Натальи Георгиевны Георгиевой «Историческое источниковедение: теоретические проблемы», представляющую собой учебник, рассчитанный на широкий круг читателей: от преподавателей вузов и аспирантов до студентов, специализирующихся в гуманитарных науках, и всех интересующихся историей. В условиях поиска сегодня новых подходов в методологии как истории в целом, так и источниковедения в частности, в начале XXI в. вышел целый ряд учебных пособий для вузов по «Теории истории», самое заметное из которых – подготовленное М. Ф. Румянцевой (М.: Аспект Пресс, 2002. 319 с.). Однако появление учебника, посвященного исключительно вопросам теории источниковедения – явление редкое в современной университетской жизни. Тем ценнее, познавательнее и интереснее знакомство с его публикацией. Учитывая продолжающийся рост влияния иррационализма и антисциентистских теорий в современной исторической науке, Н. Г. Георгиева выполнила необходимую на сегодня работу, обобщив информацию о накопленном историками опыте решения теоретических проблем источниковедения. Главную цель учебника автор обозначила как «вскрытие процесса формирования источниковедения в науку, обладающую своей теорией, объектом и предметом» (С. 229).

Материал книги представлен в историографическом ключе, структура логична: в ней четыре раздела, каждый из которых посвящен отдельному блоку теоретико-методологических вопросов источниковедения. Некоторое исключение представляет I раздел «Теоретико-методологические и понятийно-терминологические вопросы источниковедения», почти не содержащий историографического материала, открываясь определением понятия «источниковедение» в узком смысле слова. Автор трактует его как одну из стадий исторического исследования, с чем нам сложно согласиться. Она осталась в прошлом, когда историки активно применяли понятие «историческая критика источника». Сегодня понимание источниковедения в узком смысле слова чаще связывают с объектно-предметной областью, когда на конкретно-прикладном уровне рассматривают работу исследователя только с письменными источниками. Соответственно широко трактуемое источниковедение поглощает собой и археологию, и этнологию. Дискуссионным представляется и выделение всего двух уровней задач источниковедения, что далеко не отражает всего многообразия вопросов, ставящихся в современных исследованиях. В этом же разделе Н. Г. Георгиева, обращаясь к методологическим принципам исторического познания, указывает на очевидный, крайне важный, но зачастую игнорируемый теми, кто не признает историю наукой, момент: исторические источники – это часть объективной реальности (С. 13). Иначе говоря: то самое прошлое, которое существует в настоящем безо всякой машины времени; его можно видеть, осязать, а в некоторых случаях – и слышать. Донесение этой мысли до студентов вузов, в том числе через учебную литературу, крайне важно для формирования молодых поколений историков.

В разделе II «История становления источниковедения как науки», Н. Г. Георгиева во многом следует несколько эклектичным взглядам А. С. Лаппо-Данилевского, не совсем обоснованно противопоставлявшего объектно-предметные области истории и источниковедения. Примечательно, что в этом разделе автор начинает анализ методологических наработок историков с античности и средневековья, справедливо указывая, что уже в древности закладывались основы критического отношения к источникам (С. 27). Однако анализ провиденциализма христианских хронистов эпохи средневековья представляется нам несколько упрощенным, как и представление о целях составителей летописей. Наиболее удачная, на наш взгляд, часть раздела – это параграфы, посвященные развитию источниковедения в XVIII–XIX вв. Трудно вспомнить, когда в последний раз историки уделяли должное внимание эвристической и археографической деятельности источниковедов. Это делает Н. Г. Георгиева, рассматривая процесс формирования источниковедения как самостоятельной отрасли исторического знания. Автор указывает на особую роль в становлении отечественного источниковедения таких фигур, как В. Н. Татищев и, все еще недооцененный частью историков, И. Н. Болтин. В то же время фигура М. Т. Каченовского представлена на страницах книги скромно; возможно, в силу того, что в учебнике, к сожалению, отсутствует раздел, посвященный началам современного источниковедения: методике источниковедческого анализа. Впрочем, этому обширному разделу источниковедения Н. Г. Георгиева посвятила отдельную книгу – «Историческое источниковедение: понятийно-методологические проблемы», заявлен-

ную как вторая часть рассматриваемого издания (М.: Проспект, 2016. 192 с.). М. Т. Каченовский, как известно, окончательно заложил основы так называемой «внутренней критики источника», предложив принципиально новое для отечественной науки представление о путях определения достоверности информации источника и ее связи с проблемой подлинности. Недооцененным в учебнике представляется нам вклад В. О. Ключевского в развитие отечественного источниковедения, который Н. Г. Георгиева, вслед за О. М. Медушевской, ограничивает «комплексным анализом большой группы произведений», то есть житий. Между тем именно В. О. Ключевский не только первым в России прочел отдельный университетский курс источниковедения, преодолев гиперкритицизм представителей влиятельнейшей в России второй половине XIX в. скептической школы, но и убедил современников в необходимости соединить пресловутые «внешнюю» и «внутреннюю» критики источников в единый комплекс источниковедческого анализа, предопределив алгоритм исследовательской работы историка вплоть до сегодняшнего дня. Автор отмечает: «*После трудов В. О. Ключевского источниковедение в России окончательно оформилось в самостоятельную отрасль исторической науки, приобрело статус научной (вспомогательной) и учебной дисциплины*» (С. 85). Однако, спустя пару страниц, статус основателя источниковедения автор передает младшему современнику В. О. Ключевского А. С. Лаппо-Данилевскому: «*После его (А. С. Лаппо-Данилевского. – авт.) трудов источниковедение окончательно сформировалось в особую научную дисциплину, имеющую свою методологию, теорию и тончайше разработанную методику*» (С. 89). Видимо, делом будущего остается анализ того, насколько удачным для определения сущности исторического источника был выбор В. О. Ключевским слова «отражение».

Во II разделе учебника Н. Г. Георгиева красной нитью проводит идею о специфике объекта источниковедения, который она видит в совокупности исторических источников. Часто подчеркивается взаимозаменяемость предмета и цели науки, что, как и трактовка объекта, представляется несколько дискуссионным. К сожалению, практически не раскрытым на страницах учебника остается вопрос взаимоотношения в объектно-предметной области источниковедения с комплексом вспомогательных исторических дисциплин. Особый интерес, с одной стороны, и противоречивое впечатление, с другой, вызывает анализ автором эволюции взглядов О. М. Медушевской на объект источниковедения. Н. Г. Георгиева справедливо подмечает неудачную формулировку определения О. М. Медушевской, представленную в трудах историка, увидевших свет в 1970–1980-х гг. (С. 116). Но, в свою очередь, автор неудачно формулирует понимание объекта источниковедения Ольгой Михайловной в 1990-е гг.: «О. М. Медушевская сделала вывод о том, что на основе принципиально новой источниковедческой парадигмы по-новому и гораздо шире определяется объект источниковедения – все **человечество** как «эволюционное и коэксистенциальное целое». Она специально отметила, что «этот объект доступен для изучения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Он представляет собой целостную **совокупность произведений**, созданных в целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками гуманитарного познания (в традиционной терминологии – историческими источниками)... всех типов, видов, форм фиксации...» (С. 117). В итоге, остается неясным, что же выделяла О. М. Медушевская как объект источниковедения: «**человечество**» или «**совокупность произведений**, созданных в целенаправленной деятельности человеческой деятельности?»

Завершается этот раздел логичным и корректным определением источниковедения как самостоятельной науки в рамках научно-исторического познания. Обозначение же объектной и (особенно) предметной областей источниковедения вызывает возражения, прежде всего, у исследователей, не признающих феноменологического подхода в истории, полагающего возможным «взаимодействие с **представителями** других эпох» (С. 120). Возникают сомнения и в возможности совершенствовать методику прочтения источника «**глазами современников описанных событий**» (там же), учитывая тот факт, что научная лаборатория погружения в «глаза современников событий» или в «чужое Я», многократно заявленная представителями феноменологии и «новой» герменевтики, нигде ими не представлена. Остается только гадать, как осуществить полный уход из своей реальности и переход в иную: через медитацию, фантазирование, отказ от собственной личности (раздвоение?) или каким-либо иным способом.

В III разделе учебника рассматривается разработка историками понятия «исторический источник». Сложная проблема становления основополагающего для источниковедения термина, рассмотрена, с одной стороны, сжато и ясно, с другой – довольно полно, со вниманием ко всем сложным и многовариантным оттенкам новых смыслов, которые постепенно формировали все новые и новые грани понятия. Однако вновь приходится констатировать неравнозначный подход при определении

вклада в выработку понятия В. О. Ключевским и А. С. Лаппо-Данилевским. Вклад В. О. Ключевского преуменьшается через повтор замечания Л. Н. Пушкарева о том, что историк не обратил внимания «на философскую сторону» вопроса о возможности *отражения* источником *реальной действительности*. Но историк в своем наброске лекции, по крайней мере, об этом сущностном качестве исторического источника прямо писал. Первым на этом свойстве источника, по сути, построил его определение. Без каких-либо иносказаний и эвфемизмов. В то время как А. С. Лаппо-Данилевский видел в историческом источнике реализованный *продукт человеческой психики*. Ни о каких отражающих качествах реальной действительности историк не писал, а лишь о продукте субъективного восприятия. Объективный характер исторического источника А. С. Лаппо-Данилевский подменял реальностью его существования.

Достоинство труда Н. Г. Георгиевой – комплексный анализ исканий отечественных и зарубежных историков. Раздел, посвященный терминологическим трудностям при работе с дефиницией исторического источника, не стал в этом отношении исключением. Автор учебника анализирует и идеи классиков позитивизма Ш. Ланглуа, Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма, и мысли представителей школы «Анналов». Много внимания традиционно уделяется освещению позиций отечественных историков. Обоснованно указывается как на трудности теоретических разработок в отечественной науке в 1920–1950-е гг., так и на более активную работу в этом научном направлении начиная с 1960-х гг. Думается, однако, что рассмотрение такой сложной проблемы в трудах представителей советской школы выиграло бы от включения работ А. А. Уйбо. В итоговой части раздела Н. Г. Георгиева отмечает две возникшие теоретические проблемы: о природе превращения объектов, оставшихся от прошлого, в исторические источники и о влиянии теории информации на выработку понятия «исторический источник» (С. 167–168). К сожалению, завершая отдел, по ходу текста которого Н. Г. Георгиева неоднократно указывала на существование проблемы различения исторического источника и исторического пособия, она так и не отвечает на один из важнейших для исследователя вопросов, особенно – для начинающего: как же современное источниковедение предлагает отделять «исторический источник» от «исторического пособия»?

Последний раздел книги посвящен классификации исторических источников – проблеме, которая остается дискуссионной до сего дня. Рассуждая во вводной части раздела о целях и задачах классификации исторических источников, автор справедливо указывает на ее (классификации) гносеологический характер, но, к сожалению, не говорит о прямой взаимосвязи классификации исторических источников со спецификой методики их исследования. Особенно удачной вновь оказывается часть раздела, посвященная изысканиям историков XVIII–XIX вв. В ней, в частности, автор спорит с мнением Л. Н. Пушкарева, обоснованно и аргументировано указывая на недостатки классификации, предложенной в свое время Н. А. Полевым (С. 179). Н. Г. Георгиева не оставила без внимания и тот факт, что, в отличие от большинства других теоретических проблем источниковедения, проблема классификации исторических источников продолжала активно рассматриваться отечественными историками и в сложный период 1920–1950-х гг. Отметим, что едва ли не впервые на страницах учебного пособия по источниковедению указывается на драматичность судеб ряда советских историков, в частности, Г. П. Саара. Автор представляет развернутую и глубокую характеристику взглядов на проблему классификации источников советскими историками в 1960–1980-е гг., особо выделяя И. Д. Ковальченко. Автор рассматривает проблему на основе анализа советских учебников по источниковедению, статей историков и источниковедов, а также фундаментальной монографии Л. Н. Пушкарева «Классификация русских письменных источников по отечественной истории». К сожалению, в книге отсутствует анализ взглядов на указанную проблему А. С. Уйбо и Г. Г. Аласания – двух исследователей советской школы, активно ею занимавшихся.

Но самые большие возражения вызывает предлагаемая автором классификация видов письменных источников, завершающая, по сути, раздел. С учетом условности классификаций исторических источников вполне допустимо выделять в качестве ведущего видового признака исторического источника цель, ради которой он был создан. Вполне возможно признать обоснованным определение вида как исторически сложившейся совокупности исторических источников, у которых общность социальной функции при возникновении и функционировании в общественной практике порождает (обуславливает) устойчивость общих свойств структуры (формы) и содержания. Даже если иметь в виду, что содержание далеко не всегда настолько жестко связано с формой. Однако, выделение на этой основе всего пяти следующих видов источников: законодательные, делопроизводственные, пуб-

лицистические, мемуарные, эпистолярные, – вызывает массу вопросов. Как быть в таком случае со статистическими источниками? Попытка втиснуть их в делопроизводственные источники будет говорить о непонимании принципиального различия в их социальных функциях. Куда в таком случае отнести «Поучение» Владимира Мономаха, «Былое и думы» А. И. Герцена или еще более публицистичные «Воспоминания» И. В. Бабушкина? Что делать с периодической печатью? Научные журналы отнести к публицистике? А как быть с летописями? Особенно если «сделать ставку» на предлагаемое автором стремление проникнуть в «чужое Я», видевшее цель составления летописей вовсе не в том, чтобы представить свою версию исторических событий для будущих поколений или возбудить современников к решению злободневной проблемы. Для последнего существовали слова и послания. Летописи, учитывая их социальную функцию, с огромными оговорками могут быть соединены с хрониками, хронографами и даже анналами, что неоднократно отмечалось Д. С. Лихачевым и другими исследователями этого весьма специфического корпуса источников.

Подводя итог, отметим, что книга написана ясным, понятным и при этом наукообразным языком, что особенно ценно при обращении к таким непростым вопросам современного исторического познания, как теоретические проблемы источниковедения. Структура каждого раздела и параграфа логична и помогает легче усвоить стройно систематизированный материал. Но едва ли не самым впечатляющим от знакомства с текстом учебника Н. Г. Георгиевой стало желание погрузиться в дискуссию с его автором; провоцируемый автором интерес к непростой проблематике, что, несомненно, на наш взгляд, – одна из главных задач учебной литературы для вузов. Учебное пособие, заставляющее не только воспринимать, но и задумываться над рассматриваемым материалом и спорить с ним, – безусловно, и есть то, что необходимо современной российской высшей школе.

*М. Ф. Махлай, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*